

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления,
сообщения

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ:
АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И
ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА.***

Москва – Белгород, 22 – 25 мая 2009 г.

Н.Д. ШМЕЛЕВА

Цель конференции – выявление специфического и универсального во взаимодействии временных пластов в российском самосознании, а также определение стратегий дальнейшего развития России в связи с особенностями соотношения архаического, традиционного и инновационного в российской истории, культуре и самосознании.

Конференция состоялась в рамках проекта «**Проблемы российского самосознания**»¹, инициативу в организации и проведении которого взял на себя сектор философии культуры Института философии РАН. Руководитель проекта – зам. директора ИФ РАН, заведующий сектором философии культуры, д. филос. н. *С.А. Никольский*. Особенностью формата этого проекта является организация конференций как в Москве, так и в одном из регионов России с целью создания в стране единого пространства диалога.

На пленарном заседании в Москве выступили В.Г. Федотова и А.А. Кара-Мурза, на выездной части конференции – С.А. Никольский, В.И. Аршинов, Р.Г. Апресян, дальнейшее обсуждение проблематики проводилось в рамках серии круглых столов, включавших доклады отдельных участников.

В докладе *В.Г. Федотовой* (д. филос. н., ИФ РАН) «Архаика, традиция, инновация в российском развитии» была дана критика почвеннических тенденций в русской интеллектуальной традиции, которая проявляется в поисках исконно российского, прежде всего, в архаике. Автор отметила, что даже славянофилы-классики искали основу традиции в эпохе Ивана III, которая уже была вовсе не архаической, а содержала вполне эксплицитно множество инновационных элементов, не вредящих исконной традиции. Традиционный строй, а имен-

* Обзор первой и второй всероссийских конференций, организованных в рамках проекта «Проблемы российского самосознания», опубликован в журнале «Философские науки» (2008. № 7). Обзор третьей конференции – в ФН (2009. № 4).

но такой, в котором инновации были ограничены традициями, по мнению автора доклада, сохранялся вплоть до XIX в., даже до правления Александра II, т.е. включал в себя эпоху и Петра I, и Екатерины II – несмотря на их бурные инновации и связи с Западом, несмотря на начавшуюся вестернизацию (не как всегда присутствующую часть модернизации, а как ее специфическую модель). Только начиная с правления Александра II Россия вступает в современную фазу, в общий с Западом ход истории, где инновация доминирует и допускает традиции, не препятствующие инновациям.

В докладе **А.А. Кара-Мурзы** (д. филос. н., ИФ РАН) были показаны как специфика соотношения инновационного и традиционного в русской культурной истории, так и особенности осмысления этого соотношения противоположными культурно-философскими течениями, а также намечена возможность положительного синтеза и в осмыслении, и в самой культурной практике России. В докладе указывалось, что одна из главных и давно осознанных проблем русского исторического неустройства – это крайне болезненные отношения «традиции» и «новации», их неорганичное сочетание и взаимное отталкивание. В итоге такого взаимодействия традиционность вырождается в охранительство, и затем – в реакцию, а искусственно сдерживаемая новация, в свою очередь, «вырываясь», радикализируется и, отрываясь от национальных корней, также вырождается – в нигилизм и революционаризм. В результате этого в российской истории часто взаимодействуют уже не традиция и новация как таковые, а *реакция* и *революция*, то есть два вида радикализма. Беда, неустройство и смута, по мнению автора, тогда и приходят в Россию, когда вместо позитивного синтеза двух начал происходит синтез негативный.

Развивая основную тему конференции, **В.Б. Власова** (к. филос. н., ИФ РАН) поставила вопрос о необходимости философского осмысления традиции как важнейшего культурного механизма, обеспечивающего основные условия существования любой социальной общности. Основные функции традиции, названные автором, это, прежде всего: обеспечение преемственности деятельности сменяющихся друг друга поколений; обеспечение непрерывности развития содержания и форм культуротворчества в течение длительного исторического периода и приобщение индивидов и групп людей к определенному общественному целому; установление относительной (или превращенной) согласованности, однопорядковости действий людей одного и того же поколения, принадлежащих к разным общественным группам и др.

Особое внимание было обращено на неправомерность часто встречающегося противопоставления традиции и инноваций. Новация противостоит не традиции в целом, а стабилизирующим ее компонентам, составляя вместе с ними конституирующее традиционную регуляцию диалектическое единство.

Е.А. Антонова (д. филос. н., БелГУ) обратила внимание на то, что содержание понятия «российское самосознание» многомерно и не поддается линейному упорядочению, поэтому для точной и тщательной

реконструкции русского национального самосознания периода формирования нации при переходе от феодализма к капитализму требуется особое синергетическое видение этого процесса. При этом докладчик считает необходимым выяснить, «каким классам, общественным слоям осознание национального единства, национальных интересов было свойственно в той или иной мере». Отмечается особая роль крестьянских масс, старообрядцев и славянофилов в указанном процессе.

Русская идея как фактор формирования российского самосознания — основной тезис, с которым выступил **И.П. Корнеев** (к. филос. н., БелГУ). Она возникает в русской философии в начале XIX в. и оформляется в виде славянофильского и западнического вариантов. В русской истории побеждает западнический вариант социалистического толка, который господствует в России до 90-х годов XX в. Россия нуждается в национальной идее и сформулировать ее можно только на философско-теоретическом уровне, но содействовать этому должны прикладные научные исследования. В докладе выражается уверенность, что, лишь определившись с национальной идеей, Россия войдет в ряды ведущих стран мира.

Развивая актуализированное М.Ю. Лотманом в современной научной парадигме представление о русской культуре как о системе «жестких» бинарных оппозиций, приводящей к регулярной «взрывной» инверсии ценностей, **С.М. Климова** (д. филос. н., БелГУ) уделяет особое внимание описанию базового словаря интеллигенции, который не только представлял собой основу специфического способа рефлексии, но и передавал *личностное переживание идей*, ставшее первоосновой всего механизма «смены веж» субъективным принципом перекодировок и переосмыслений всех культурных и аксиологических понятий. Этот базовый словарь и субъективные переживания (личностная теургия), по утверждениям автора, привели к константности в самоописании интеллигенции в рамках бинарной оппозиции славянофильства/западничества. В то же время в докладе указывался альтернативный способ описания реальности — диалогический — появившийся перед Серебряным веком и прерванный революционными и последующими событиями, вновь актуализировавшими бинарную оппозицию в описании ценностной картины мира.

Н.З. Бросова (д. филос. н., БелГУ) в докладе «Народ как соблазн идей: немецкий проект и русская традиция» отметила, что тема народа является одной из центральных тем в истории России; она приоритетна и в контексте западноевропейского идейного дискурса, где важное место занимает немецкий опыт ее освоения. Автор рассматривает смысловой контрапункт двух истолкований этой темы: в философии М. Хайдеггера (работы 30-х годов) и у авторов знакового сборника «Вежи». При этом отмечается, что для обоих источников оказывается значимым библейско-христианский идейный контекст. Хайдеггеровские интуиции и поиски «веховцев» намечают принципиальные проблемные направления для современного философского рассмотрения темы народа; среди них: соотношение «народа» с

властью и ее институтами, значимость для него контекста культуры и религии, «становление» народа и его идентичности, вопрос ответственности народа и т.п.

М.В. Пулькин (к. ист. н., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) рассматривал происхождение и классификацию девиантных проявлений на Севере России – в Олонецкой губернии. Девиантность представляется автору сочетанием архаических проявлений человеческой психики, агрессивности и кровожадности, а в конечном итоге – формой регрессии. Кроме того, девиантность связана с традиционными формами реагирования на сложные ситуации и с поисками креативного решения возникающих проблем. Традиционность открывала путь для коллективных проявлений девиантности, большей сплоченности индивидов и повышала вероятность безнаказанности. На этом фоне инновации (преимущественно в социально-экономической сфере) становятся существенным фактором возникновения девиантных проявлений, но одновременно и способом их преодоления. Тем самым инновации приобретают дополнительные защитные функции.

Т.В. Наумова (к. филос. н., ИФ РАН) отметила, что в процессе сохранения и развития научного знания в современных условиях большое значение приобретает вопрос взаимоотношения традиционных и инновационных форм поддержки науки. В качестве традиционной формы поддержки науки автор указывает на государственное бюджетное финансирование, в качестве инновационных форм – на отечественные и зарубежные научные фонды, которые выделяют средства для поддержки науки в виде грантов.

* * *

В Белгороде конференция приобрела в большей степени социокультурную и этическую направленность, что не исключало обсуждения вопросов, касающихся анализа традиционных и инновационных процессов в обществе, поднятых докладчиками в Москве. Основываясь на местном и региональном материале, на результатах социологических исследований, проведенных в Белгороде и Белгородской области, многие докладчики заострили свое внимание на проблемах развития региона.

С основным докладом «Общественное развитие: механизмы, возможности и препятствия» выступил **С.А. Никольский**. Он подчеркнул, что составными частями общественного развития и самосознания индивида и общества выступают архаика, традиция и инновация, при этом у каждой из этих частей есть свое специфическое предназначение, своя роль.

Инновации – наиболее подвижная часть триады – представляют собой совокупности непрерывно возникающих в общественном развитии и сознании индивидов модулей разного рода новых элементов и вариантов их взаимосвязей. Однако после их существование возможно лишь во взаимодействии с традиционными (уже работающи-

ми) элементами и их сочетаниями вплоть до их полного развития в качестве таковых или же, что также не исключено, до полного уничтожения (отторжения). В процессе этого взаимодействия некоторые инновации благополучно инкорпорируются, становятся частью, дополнением работающей системы традиций. Одни инновации заменяют отдельные элементы (связи) системы традиций на новые. А другие отторгаются и исчезают как неприемлемые. Таким образом, по отношению к инновациям существующая система традиций выступает как главный фактор искусственного отбора. Но и элементы традиционного не вечны, некоторые из них закрепляются в архаике. Архаика — это наиболее давние, широко распространенные и укорененные традиции.

Инновационное, традиционное и архаичное можно представить как три существующие и взаимодействующие между собой плоскости развития, лежащие одна на другой, но движущиеся с разными скоростями. Не испытывающее насильственного воздействия общественное развитие естественным образом продуцирует в себе и из себя инновации, обеспечивает их взаимодействие с традицией и передает их отдельные образцы, элементы и связи на нижний, базовый уровень архаики.

Проблема ценностей является одной из актуальнейших проблем становления современной цивилизации. **В.И. Аришинов** (д. филос. н., ИФРАН) в своем докладе представил один из вариантов синергетического подхода как «мышления в сложности», ориентированного преимущественно на сетевой, рекурсивно-коммуникативный подход к ценностным феноменам культуры, рассматриваемым в контексте исторической динамики их самоорганизации в сопряжении с современным технологическим развитием.

В настоящее время мы находимся в третьей, критической (или «хаотической») фазе макродвижения, динамика которого репрезентируется тем, что в синергетике именуется параметром порядка. И именно на этой фазе, когда человеческое общество достигает пределов своей стабильности, оно становится сверхчувствительным и остро реагирует на малейшие флуктуации.

Аутентичный синергетический подход в данном случае рекурсивным образом отклоняет траекторно-точечное, линейное-причинное описание связи событий, заменяя это описание герменевтическим пониманием пути как сети.

В докладе **Р.Г. Апресяна** (д. филос. н., ИФ РАН) «Репроблематизация Другого в этико-прикладных исследованиях» было показано, как удивительным образом в ходе развития современной постклассической этики и независимо от него в этико-прикладных исследованиях оказываются частично восстановленными архаические моральные представления. В современной философии это — репроблематизация Другого, который теперь определяет Я. В прикладной этике, в частности в экологической этике, это — нон-антропоцентризм, который кардинально расширяет предмет моральной ответ-

ственности, распространяя ее и на не относящиеся к человеческому роду особи, а также на сообщества и системы живых организмов.

Рассматривая современные проблемы управления и финансирования научной деятельности, **С.Л. Колесников** (к. т. н., доцент, Управления профессионального образования и науки департамента образования, культуры и молодежной политики Белгородской области) по аналогии с известными культурно-философскими течениями выделил два соперничающих подхода, условно называемых социальный реализм и социальный номинализм. Первый определяется преобладанием «целого» над «частным», а второй ставит во главу «частное», которое обеспечивает успех развития «целого». По мнению докладчика, в современной России продолжают избыточно действовать принципы социального реализма, что проявляется, например, и в искусственной, часто ненаучной иерархизации и сокращении научных учреждений, и в перечислении денежных средств по грантам на счета организаций, а не руководителей проектов.

Анализируя мифы как реально существующую символическую форму идеологии, **В.П. Римский** (д. филос. н., БелГУ) выделяет в эпохе Модерна стержневые «классические» мифы-идеологии – либерализм, социализм и консерватизм. Все остальные рассматриваются как эклектические, гибридные и даже мутантные. В описании современных постмодернистских мифов-идеологий автор поддерживает представление о всеобщем доминировании субкультурных, ситуативных эрзац-мифов, «идеологических фаст-фудов». Характерной особенностью русского сознания и самосознания автор считает исключительно вторичные гибридные и мутантные формы, обусловленные спецификой постоянно догоняющей модернизации. Среди мифов выделяются: «русская идея», включающая и гибридную форму евразийства, и мутантную сталинского большевизма; идея возрождения России; идея возрождения Православия; идея этнокультурной идентичности России и национально-консервативный мутант либерализма питерской команды.

Доклад ироничен по композиции, последовательно и нарочито противоречив. Так, единый пассионарный миф представляется одновременно как желанный и невостребованный, как невозможный и срочно необходимый. Мифы докладчик понимает как иллюзорно-символические образования, опровергаемые, однако, социальной практикой.

Обсуждая особенности современного мировоззренческого кризиса и проблемы, возникающие на возможных путях его преодоления, **В.И. Шевченко** (д. филос. н., ИФ РАН) рассмотрел истоки нынешнего мировоззренческого кризиса в различных культурных явлениях современности. Это и внутренние проблемы научного знания (непомерная дифференциация и узкий позитивизм), и специфика состояния секулярного сознания в целом (кризис аксиологических систем, необходимость общественных идеалов), и особенности истории Церкви и религиозного сознания в России (религиозная реакция, оп-

равданная десятилетиями официального атеизма), и негативные традиции разрешения идеологических споров в нашей стране (неотработанность механизма общественных дискуссий). По мнению докладчика, в этих условиях особую роль в разрешении культурных мировоззренческих проблем может и должна сыграть философия, которая способна восстановить утерянное единство научной картины мира и содействовать установлению традиции рационального обсуждения наиболее общих, фундаментальных для общественного сознания тем.

Анализируя традиционные стратегии и тактики, применяемые участниками современной социальной аргументации, **Е.Н. Мотовникова** (к. филос. н., БелГУ) на примерах отдельных эпизодов текущих дискуссий по социально-политической и социально-познавательной проблематике показывает непродуктивность устаревших приемов ведения дискуссий, тактик авторитетного давления и игнорирования оппозиционных точек зрения, уклонения от обсуждения болезненных, острых тем. По мнению автора, господствующие в российском социальном диалоге формы разговора *не* нацелены на достижение более глубокого понимания собеседника, оппонента обсуждаемой проблемы, а преследуют в основном цели самоутверждения и победы в споре над противником. Эта ситуация может быть терпима или безразлична для относительно стабильного, сплоченного общества, но современное российское самосознание, с точки зрения автора, остро нуждается в более эффективных формах организации социального диалога, в более откровенном обсуждении ценностных установок и последствий социального знания и социального действия.

Развивая основную тему конференции, **В.В. Лунич** (БелГУ) отмечает особую роль А.С. Пушкина в процессе формирования национального самосознания, настаивает на необходимости тщательного культурно-философского анализа и осмысления различных аспектов взаимодействия творчества поэта и самосознания русского общества. Развивая известные представления об ученичестве русского искусства XVIII в., автор считает, что литература XIX в. начинается там, где «свое» и «чужое» поняты как проблема. Только после этого русская литература начинает резко противопоставлять себя тому, что ею же было воспринято со стороны. Она начинает мыслить себя как некий субстрат, остающийся от столкновения с иноязычными культурами.

Синкретический характер пушкинской поэтической системы, обусловленный эпохой пересекающихся философско-литературных направлений, требует последовательного выделения составных элементов этого синкретизма.

С.Д. Домников (к. ист. н., ИФ РАН) в своем докладе рассмотрел некоторые аспекты концепции «нарративной (повествовательной) идентичности», выдвинутой Полем Рикёром. Обращаясь к проблеме идентичности, Поль Рикёр проводит различие двух разных смыслов, вкладываемых в это понятие: идентичности как *тождества* и идентичности как *самости*. Различным типам идентичности соответствуют в языке метаописания разные типы дискурсов. Онтологичес-

кая эволюция от «тождественного» к «самостному» и их диалектическая взаимосвязь в динамическом развитии личности, по Рикёру, представляется центральной в рамках проблематики личностного самоопределения как в процессе индивидуального, так и в процессе культурно-исторического онтогенеза. Если в дискурсе первой степени, описывающем структуры различия на общем фоне неразличимости человека и вещи и затрагивающем уровень отношений «тождественности» и «самости», господствует аналитико-описательный статус различия между личностями и вещами, то на уровне второго дискурса преобладает этический статус указанного различия.

Исследование проблем российского самосознания начала XXI в. осложнено утратой преемственности. *И.А. Ольхов* (к. филос. н., БелГУ) сосредоточил внимание на анализе наследия Н.Н. Страхова как «желанного собеседника» едва ли не всех русских мыслителей своего времени. Докладчик исследует специфические пути русского самосознания середины XIX столетия, отмечая при этом «самоумаление», «свободомыслие» и «традицию» в качестве наиболее важных, на его взгляд, смыслообразующих концептов дискурса той эпохи.

Рассмотрение проблемы диалога, диалогического мышления сегодня становится как никогда актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания раздвигает границы общения между народами, государствами и способствует познанию собственной национальной культуры и пониманию собственной самоидентификации. *Т.И. Лунич* (БелГУ) отмечает, что прежние подходы к проблеме диалога претерпевают изменения и требуют более глубокого исследования. Все более актуальными, как было отмечено, в этом направлении являются идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур», как формы диалога множества культур. Представленная в последние десятилетия диалогическая тематика должна быть осмыслена в рамках широкого культурного контекста эпохи, которая характеризуется развитием толерантных поведенческих установок, межконфессиональным, межкультурным диалогом.

По мнению *В.Н. Шилова* (д. филос. н., БелГУ), все более очевидной становится необходимость формирования общегражданского национального самосознания населения России, которое должно приобрести доминирующий характер по отношению к локальным этнокультурным различиям. В настоящее время ставка делается на формирование единой российской нации, где гражданско-территориальный аспект преобладал бы над этническим. В России ставится задача вывода этничности из сферы политики, чтобы этническое начало не выступало как фундамент каких-либо политических движений. В РФ запрещено формирование политических партий на этнической, равно как и на конфессиональной основе. В целом, как показывают исследования общественного мнения, процесс становления гражданской российской нации приобретает все более устойчивый характер.

Рассматривая традиционные, модернистские и постмодернистские образы пола и любви в отечественной культуре, *А.М. Страхов*

(д. филос. н., БелГУ) отмечает, что любовь и пол привлекают все большее внимание исследователей, прежде всего, в социально-гуманитарном знании. Одни исследователи выделяют идеалы и нормы любви, другие анализируют семейно-брачные отношения, третьи рассматривают стереотипы любовных отношений. Было подчеркнуто, что в современном отечественном социокультурном пространстве наряду с постмодернистскими присутствуют традиционные и модернистские образы пола и любви. Для нравственного оздоровления общества необходимость полового воспитания не подвергается сомнению, дискуссии идут вокруг методов и форм его реализации. Традиционная традиционность России оставляет надежду на духовное и нравственное оздоровление.

В.Е. Пеньков (БелГУ) посвятил свой доклад критике креационизма как одного из проявлений стремительной клерикализации общественного сознания. Автор считает научный креационизм неудачной, эклектичной, внутренне не последовательной и почти мошеннической попыткой примирения религиозного и научно-материалистического мировоззрений.

Основываясь на работах Данилевского и Леонтьева, **Т.В. Перминова** (БелГУ), рассмотрела православие как базовую традицию и русской культуры, и русского национального характера, которая, с одной стороны, связывает русскую ментальность с древней духовной мощью, а с другой – является единственно возможным, по мнению исследуемых автором русских мыслителей, основанием органичных инноваций и выхода страны из общественно-политического, экономического и духовного кризиса.

В.Н. Мусолов (БелГУ, студент) представил результаты социологического исследования, проведенного среди профессорско-преподавательского состава БелГУ, отметив сложность изучения интеллигенции в связи с отсутствием однозначного определения объекта и указав на весьма ограниченную степень репрезентативности. Автор исследования сообщил, что проведенные наблюдения позволяют прийти к выводу, что, несмотря на все исторические и социально-статусные изменения, некоторые базовые ценностные характеристики интеллигенции остались такими, какими они были описаны еще в «Вехах»: негативное, подозрительное отношение интеллигенции к власти и внешняя, идеологическая религиозность.

В заключение хотелось бы отметить то тепло и дружелюбие, с каким белгородская сторона принимала московскую делегацию. Незабываемы встречи с учеными и преподавателями Белгородского государственного университета и Белгородского университета потребительской кооперации, с представителями Правительства Белгородской области, впечатления, связанные с уютом г. Белгорода и его окрестностей. А проект «Проблемы российского самосознания» движется дальше и расширяет свое дискуссионное поле. Впереди у него пятая конференция и еще один российский регион.